

ГАЛИНА Ф. БЛАГОВА

Эдиционно-исследовательская методика в трудах академика
А. Н. Самойловича¹

А.Н. Самойлович явился продолжателем эдиционно-исследовательской традиции отечественной тюркологии. В качестве одного из четырех эпиграфов к своему изданию *Книги рассказов о битвах текинцев* [1, с. III] он избрал слова своего учителя П.М. Мелиоранского, в которых намечена реальная перспектива изучения средневековых источников по среднеазиатско-турецкой литературе и литературным языкам: «... „джагатайскими“ в более широком смысле этого слова называются все вообще среднеазиатские турецкие сочинения с XIII–XVII вв., происхождение и язык которых не поддаются пока точному определению... Несомненно, что со временем, когда все джагатайские рукописи будут изданы и обследованы, их удастся привести в более научную систему» [2, с. 161].

Принимая во внимание признание А.Н. Самойловича, что главной его специальностью является история «среднеазиатско-турецких литератур и литературных языков» [3, л. 4], а также привлекая к изучению его «обширный архив... законченных и незаконченных работ-рукописей» [4, с. 3], можно с полным правом говорить о том, что первые два десятилетия научно-творческой и отчасти научно-педагогической деятельности ученого прошли под знаком непрерывного поиска средневековых манускриптов «в поле» и введение их в оборот при «соблюдении настоящих научных приемов» издания текстов. Высокая эдиционно-текстологическая культура А.Н. Самойловича формировалась, во-первых, благодаря великолепной выучке у таких учителей, как П.М. Мелиоранский, В.В. Бартольд, В.Д. Смирнов, иранист К.Г.

¹ Предлагаемая статья развивает и конкретизует тему *Академик А.Н. Самойлович и его Турецкие этюды. (Из архива незаконченных работ-рукописей)*, с. 37–60 (RO, LII, 1, 1999).

Залеман, арабисты В.В. Розен, А.Э. Шмидт, а позднее и В.В. Радлов [5], дружбе (со студенческой скамьи) с арабистом И.Ю. Крачковским, который в молодые годы называл Самойловича «великим туркменистом» [6], а во-вторых — благодаря рано проявившемуся интересу будущего ученого к средневековым тюркским манускриптам.

Продолжая вслед за своим учителем это важное и трудное дело, именно А.Н. Самойлович выпустил в свет подготовленную П.М. Мелиоранским к печати «рифмованную хронику» — *Шейбани-наме* Мухаммеда Салиха (текст издан под наблюдением Самойловича, с его предисловием и составленными им указателями) [7].

Дар учителя талантливому ученику — экземпляр казанского издания *Бабур-наме* [8], с владельческой надписью «П.М. Мелиоранский», — испещрен заметками на полях, сделанными Самойловичем, видимо, в процессе его преподавательской деятельности, начиная с 1903–1904 учебного года, когда он стал вести занятия со студентами — читал и комментировал это замечательное произведение основателя династии Великих Моголов в Индии. Свидетельством тому являются стопки выписок из *Бабур-наме*, носящих самый разный характер — текстологический, лингвистический, литературоведческий, этнографический и т.д. Из авторских приписок на отдельных листах существует, в какие годы и с какой интенсивностью велись спецсеминары по *Бабур-наме*. Две из этих стопок попали в разные разряды фонда № 671 РНБ (разд. II, № 74 и разд. IV, № 85), одна — в фонд № 782 СПб.Ф Архива РАН (оп. 1, № 16) [подробнее см.: 9;10].

Активный интерес к Бабуру, прежде всего писателю и поэту, историческому деятелю, и к его запискам сохранялся у А.Н. Самойловича, по крайней мере, в течение двух десятилетий; об этом свидетельствуют так или иначе связанные с бабуроведением его статьи, рецензии, высокая оценка литературного творчества Бабура в архивных «Турецких этюдах» (отдельные его высказывания по текстологии «Бабур-наме» суммированы в [11, с. 18–20; 9]; там же [11, с. 396] см. библиографию работ Самойловича по вышеназванной тематике).

Стихотворному наследию Бабура посвящены специальные работы ученого, опубликованная [12] и архивные [13; 14].

Стремление А.Н. Самойловича охватить «все дошедшие до нас произведения Бабура» поддерживалось его программой установкой вести исследования средневековых текстов в три этапа (см. ниже), что должно было способствовать систематизации издаваемых рукописей.

Свою программу в этой области ученый сформулировал в важном во многих отношениях издании туркменской исторической поэмы, где он «задался целью систематизировать материал языковой и историко-

литературный, заключающийся в *Книге рассказов о битвах текинцев*, имея в виду сделать почин более или менее детального изучения отдельных памятников среднеазиатско-турецкой литературы и внести свою лепту в подготовку материалов как по исторической грамматике литературного среднеазиатско-турецкого языка с его подразделениями, так и истории среднеазиатско-турецкой литературы» [1, с. XIX]. Программные задачи, связанные с осуществлением этой цели, он видел «1) в опубликовании и переводе неизданных памятников и во всестороннем обследовании их, 2) в детальном обследовании уже изданных и переведенных памятников, 3) в составлении, на основании накопившегося материала, предварительных сводных работ историко-литературного, грамматического и словарного характера, в виде „Опытов”» [1, с. XIV].

Творческий подход к подготовке этих и других литературных текстов к изданию, благодаря чему укреплялась его слава как одного из лучших знатоков среднеазиатско-турецких манускриптов и первоходца в области тюркской эдиционной текстологии не только в нашей стране, но и за рубежом, позволил А.Н. Самойловичу в его архивной рецензии на первый том английского перевода *Бабур-наме* (переводчик — А.С. Беверидж) [15] сформулировать три принципиальных условия, без выполнения которых не может быть осуществлен ни научный перевод, ни адекватное, подлинно научное комментирование средневеково-турецкого литературного памятника — как правило, при отсутствии его критического текста. Эти условия суть: 1) знание языка памятника во всех деталях, тонкостях, использование фундаментальных словарей, как например «Опыт словаря тюркских языков» В.В. Радлова; 2) предварительная серьезная текстологическая работа над имеющимися списками; 3) широкое и всестороннее знакомство с литературой — исторической, историко-географической, этнографической (восточной, европейской, российской) [подробно см.: 15; 16, с. 75]. Когда же эти условия не соблюдаются, как например в издании среднеазиатско-турецкого текста XII в. турецким ученым, оказывается, по словам Самойловича, что «лингвистический комментарий и османский перевод Неджип Асима богаты преинтересными курьезами» (из письма В.В. Бартольду от 20.XI.1923 [17]).

В практике изданий различных текстов (и раньше других — «Книги рассказов о битвах текинцев»), по большей части поэтических, отрабатывалась исследовательская методика. А.Н. Самойлович опирался прежде всего на строгое и последовательное различение текстов стихотворных и прозаических. Ученый считал необходимым даже «различать прозаическое правописание от стихотворного», имея в виду, что при квантитативном стихосложении «поэты искусственно производят в потребных случаях долгие и краткие слоги, то обозначая гласный на

письме, то пропуская, а иногда и прямо искажая слова...» [1, с. 012]. А.Н. Самойлович подробно исследует поэтические вольности в манере поэтического текста и классифицирует их на определенные группы в зависимости от того, проявляются ли они в орфографии, синтаксисе или лексике текста [1, с. 026, 035-037, 041-042, 060-066]; большое внимание уделяется также рифме, как правильной, так и неправильной [1, с. 067-078]. Принятая ученым системой издания текста подразумевала учёту «погрешностей стихотворного текста против метра и рифмы», причём все это осуществлялось А.Н. Самойловичем в условиях отсутствия не только научных работ по среднеазиатско-туркской просодии и риторике, но также и специальных научных исследований по среднеазиатско-туркской орфографии и грамматике [1, с. XIV].

В связи с окончанием работы над изданием *Книги рассказов о битвах токинцев* он намеревался «составить очерк по истории изучения среднеазиатско-турецкой литературы и среднеазиатско-турецкого литературного языка в Европе» [1, примеч. 2 и с. XIV; это намерение осталось невыполненным].

Опыт эдиционно-текстологической работы позвонил А.Н. Самойловичу сформулировать также важные для теории и истории литературных языков тезисы:

1) взгляд на литературный язык как на «результат скрещивания нескольких живых турецких наречий между собой и с литературным языком более древним» [1, с. 013], т.е., выражаясь в современных терминах, наддиалектность литературного языка;

2) существование так называемых «провинциальных» языков, которые, «будучи тесно связаны с классическим письменным среднеазиатско-турецким языком „чагатайским“», вместе с тем в большей или меньшей степени испытывают на себе еще и влияние местного говора; эти языки «туркӣ» А.Н. Самойлович не признавал за самостоятельные литературные языки [1, с. XV-XVI].

С годами расширялся круг средневековых тюркских текстов, попадавших в сферу его исследовательских интересов. Куда бы ни ездил А.Н. Самойлович, с молодых лет он везде разыскивал, переписывал, собирая, изучал тюркские рукописи. Так, В.В. Бартольд в письме от 17.IX.[1906?] пишет: «Я получил Ваше письмо, дорогой Александр Николаевич, благодарю за память и за сообщение интересного текста. <...>. Все, что Вы пишете о своих занятиях, меня, конечно, очень интересует; от Беляева <18> я кроме того узнал, что Вы переписали в Ташкенте часть *جنگىز نامه*, относящуюся к туркменам» [19].

Зарубежные поездки А.Н. Самойловича, особенно в Париж, были чрезвычайно плодотворны в этом отношении. 3 октября 1913 г. на заседании Восточного Отделения Имп. Русского археологического обще-

ства ученый сделал доклад „О двух турецких рукописях Парижской <национальной> библиотеки”. В архиве ученого (РНб ф. 671 №142) сохранился черновой автограф второй части этого доклада, карандашом, 19 л.; приложение — „Хосрой и Ширин. Перевод”, л. 20–37; л. 38–261 **خسرو و شیرین**. Текст», чернилами (составлено, часть текста: глава I–XX; на л. 38 приписано карандашом: «Рукопись — несомненная копия. Зрительные ошибки!»).

В докладе дается характеристика рукописи: она «по языку своему примыкает к старейшим памятникам среднеазиатско-турецкой литературы и, в частности, к языку „Кутадгу билиг“ <...>. Но эта рукопись достопримечательна и еще в одной отношении: она сочинена кыпчаком, жившим в Египте» (л. 10δ); «В действительности, рукопись №312 <по формуляру Национальной библиотеки в Париже> сочинена в Египте, кыпчаком, но не на родном языке автора, а на искусственном, литературном языке, весьма близком, как я уже сказал, к языку „Кутадгу билиг“» (л. 5а). И далее: «Поэма представляет для турколога двоякий интерес: 1) как один из немногих памятников литературного языка, распространенного в Средней Азии до XIV–XV вв. и занесенного в Египте; 2) как поэтическое литературное произведение, переведенное с персидского языка и позволяющее судить о влиянии персидской поэтической литературы на турецкую в эпоху до Мир Али Шира Неваи. Метры и рифмы должны отвечать изданиям рукописи — труд по выяснению того, насколько сочинение подверглось изменениям в руках переписчика» (л. 7а).

Вывод А.Н. Самойловича был категоричен: «Издание же рукописи, по-моему, в высшей степени желательно (л. 13). В 1928 г. он писал об этом «весьма ценном и до сих пор не изданном и точно не определенном литературном памятнике на смешанном уйгурско-кыпчацком языке, романе *Хосрев и Ширин* некоего Кутба»: «Давно приступив к подготовке издания копии этого памятника, хранящейся в Национальной библиотеки в Париже (Ancien fonds turc, №312), я неоднократно цитовал его в своих работах, как памятник XIII–XIV века, написанный среди египетских кыпчаков...» [20, с. 6].

Волею обстоятельств издание и исследование памятника отодвинулось почти на полвека и было осуществлено представителями отечественной и польской тюркологии — учившимся в молодости у А.Н. Самойловича Эмиром Наджипом, продолжившим дело учителя, см. [21; 22; 23; 24], и Ананиашем Зайончковским [25; 26].

Издание *Собрания стихотворений императора Бабура*, часть I — Текст [12] и особенно подготовлявшаяся к печати часть II — „Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича (РНб, ф. 671,

№82) в методическом отношении представляют интерес с точки зрения используемых исследовательских приемов и процедур в целях авторской дефиниции стихотворных цитаций в прозаических Записках Бабура (в первую очередь — отбор таких цитаций в прозаических Записках Бабура (в первую очередь — отбор таких фрагментов текста, в которых газели по своему содержанию органически связаны с повествованием), а также в чагатайских словарях. При этом А.Н. Самойлович (как и В.В. Вельяминов-Зернов, издатель словаря *Абушка*) не принимает на веру ссылки составителей словаря по поводу авторства той или иной цитаты; благодаря критическому подходу авторство Бабура в отношении некоторых словарных цитаций ставится под сомнение или вообще отвергается и наоборот, удается установить, что Бабуру принадлежит одна цитата, которая составителем Словаря приписана другому автору. «Предисловие» и фрагменты из глав I и IV этого труда нами опубликованы, см. [27, с. 125–128].

Работа над «Текстами... и переводами их...» велась А.Н. Самойловичем, как это удалось нам установить, в период с 1917 г. по март 1919 г. включительно (а, возможно, и позднее) [28, с. 123]. Вместе с тем в январе 1918 г., как явствует из датировочной записи на л. 172 [29], А.Н. Самойлович работал еще и над большой статьей «К какой из турецких литератур относить роман XIII века *Иосиф и Зулейха?*», которая затем (и об этом свидетельствуют следы отдельной пагинации в этой статье) была включена в цикл «Турецкие этюды», см. листы 165–269 в составе этого цикла, хранящегося в РНБ, ф. 671, №100. Лист 411 этой единицы хранения представляет собою план некоторой («III») части «Турецких этюдов»: «1) Из истории турецких литератур. 1) Четверостишия-туйуги Неваи. 2) *Иосиф и Зулейха* Алия. 3) *Боз-йигит*. 4) Старотурецкий тефсир на Коран».

Из этого плана Самойловичем реализованы пункты 1 и 2. По-видимому, план этот составлялся 1917 г., поскольку пункт 1 в нем вычеркнут карандашом и почерком ученого приписано: «напечатано» [30]. Пункт 2 — это рассматриваемая ниже архивная статья Самойловича о романе XIII в. «Иосиф и Зулейха»².

² Современная тюркская филология располагает литературоведческим [31] и лингвистическим [32] исследованиями романа, а также комментированным переводом его на русский язык [33]; обзор литературы вопроса и библиографию см. [31, с. 3–9, 242–252]. Примечательны результаты исследования Э.Н. Наджипа. Ученый сопоставил лексический материал *Кысса-и Юсуф* с лексикой современных турецкого, туркменского и азербайджанского языков и убедился в том, что выбранные им слова из памятника [32, с. 81–87: списки I–VI] сохранились в этих языках, особенно в азербайджанском и туркменском. Э.Н. Наджип полагал, что *«Кысса-и Юсуф* был создан в Южном Хорезме в огузской среде, где к тому времени функциониро-

К истории создания этой статьи имеет отношение единица хранения №88 из ф. 671 (РНб), озаглавленная: „Цитаты и выписки, сделанные А.Н. Самойловичем, из стихов А. Навои. Автограф. Без даты. 602 л.” Такие выписки из сочинений многих средневековых тюркских авторов ученый делал, стремясь ознакомить читателей своих трудов с огромными богатствами «азиатских древлехранилищ» Петрограда. В данном конкретном случае далеко не все, что собрано в ед. хр. №88, относится к Навои. Во всяком случае листы (точнее — полулисты) 433–602 представляют собою выписки из романа «Иосиф и Зулейха». На л. 433 так и значится: *يوسف زلیخا* и приводится оглавление — предисловие и названия 17 глав, т.е. то же, что находим на л. 175–176 публикуемого автографа; по своему содержанию эти листы из двух единиц хранения совпадают. На л. 433 ед. хр. №88 А.Н. Самойлович привел полный перевод названия главы VII *Женщины смеются над Зулейхой*³, а на л. 176 автографа оставлено место для завершения перевода и его вписывания. Разночтения естественны для чернового варианта (№88) и перекомпанованного (№100). В последнем приводится арабское начертание тюркского заглавия и перевод; в №88 — русский перевод названия глав, изредка (главы II, IV, VIII, X) — арабское начертание тюркского заглавия без русского перевода. К тому же на обороте л. 602 №88 имеется запись фиолетовыми чернилами «Всего сто семьдесят (170) листов», посредством которой рассматриваемый материал явно вычленяется из состава ед. хр. №88. Этот черновой материал к статье «К какой из турецких литератур относить роман XIII века *Иосиф и Зулейха?*» не был включен А.Н. Самойлович в состав „Турецких этюдов”.

Но тем не менее сам факт существования группы материалов из единицы хранения №88 отозвался, по всей видимости, на структуре публикуемой статьи (из №100), в конечном счете состоящей из трех глав. I, вводная глава (листы 165–194) первоначально, видимо, мыслилась как заключение к работе; во всяком случае после «титульного» л. 165, на котором значатся название статьи и фамилия автора, текст на л. 166 предварен подзаголовком «<исправлено из V> — Заключение». Зачеркнутая римская цифра II помещается на л. 174 в пробеле между концом абзаца «<...> Рабгузи (стр. 73)» и началом следующего абзаца «Маститый проф. Хоутсма <...>». На л. 195 проставлена римская цифра II

вал вполне сформировавшийся огузский литературный язык, судя по всему, общий для рода огузских племен» [32, с. 88]. Это заключение смыкается с выводами А.Н. Самойловича о характере языка памятника [см. РНб оп. 671, 100, л. 201, 225; 34, с. 11, 15 и сл.].

³ Ср.: „Гл. VII. О том, как женщины клеветали на Зулейху” [31, с. 231]. На наш взгляд, возможен и иной перевод: „Женщина называют Зулейху неразумной”.

(без подзаголовка): таким способом от стиховедческой части ограничен собственно языковой, фонетический и морфологический, анализ романа. Возможно, А.Н. Самойлович намеревался выделить также морфологическую часть этого анализа. Во всяком случае, еще одна часть статьи, начинающаяся с л. 226, имеет подзаголовок «IV — Словарь», и это согласуется, как видим, с первоначальным авторским замыслом (см. «V — Заключение»). Впоследствии этот замысел изменился: Заключение стало вводной стиховедческой главой, и на л. 195 о словарной главе уже говорится как о главе III: при языковом анализе романа А.Н. Самойлович «вынужден обратить главное внимание на лексическую сторону (см. гл. III)». Нельзя, видимо, исключать также действия чисто психологического фактора: на нумерации главы «IV — Словарь» мог оказаться сам факт намеченных рукой А.Н. Самойловича двух частей под номером II (хотя первая из этих разделообразующих римских цифр и была снята автором).

В первой (по порядку следования) из глав автографа поставлены исследовательские задачи: во-первых, обрисовать сложные соприкосновения языка памятника «с живым языком половецким, или кыпчакским, насколько он нам известен по ряду глоссариев и по старым элементам в языках и наречиях караимском, крымско-татарском, карачаевском, балкарском, кумыцком и казанско-татарском»; во-вторых, представить «отчасти морфологический и особенно словарный материал, характерный специально для османского языка», и наконец, в-третьих, наметить соприкосновения «с домусульманскими турецко-литературными языками» (л. 167).

В названной статье нашли дальнейшее развитие выработанные ученым система издания средневековых текстов и методика исследования языка каждого из них.

Четко сформулирована методическая установка А.Н. Самойловича: «В какой бы стране ... ни жил поэт Алий, для нас безразлично, когда мы стремимся установить место для его романа в турецких литературах» (л. 169).

В решении этого вопроса большую роль играют данные языкового анализа средневекового произведения в сочетании и коррекции их результатами критики текста, с одной стороны, изучения его метрики и рифмы, с другой.

Для исторического литературоведения большой интерес представляют уже тот факт, что именно А.Н. Самойловичу удалось установить метр, которым написан изучаемый им средневековый роман. Ученый первым в тюркологии поставил в качестве самостоятельных проблем исследования метра и рифмы средневековых тюркских поэтических про-

изведений⁴, и использования полученных данных при языковом анализе таких произведений. Принципиально важным для истории тюркских литературных языков представляется следующий его тезис: «Если бы роман был сочинен квантитативным метром, некоторые из фонетических тенденций можно было бы использовать для определения диалекта автора без колебаний» (л. 196).

Плодотворен и другой методический принцип А.Н. Самойловича: не только произведение данного писателя, но и предпочтаемый им стихотворный метр изучаются при учете как творчества, так и соответственно метра, используемого широким кругом его современников.

При традиционном внимании А.Н. Самойловича к поэтической технике здесь показано «совпадение метра и стихотворной формы романа с метром и стихотворной формою произведений ранних среднезиатско-турецких поэтов мусульманской эпохи» (Ахмед Есеви и Сулейман Бакыргани) [л. 168]. Говоря в современных терминах, можно утверждать, что А.Н. Самойлович близко подошел к «проблеме формирования средневековотюркской межлитературной общности» — проблеме, которая через 75 лет будет сформулирована И.В. Стеблевой [35].

Разночтения доступных ему списков романа *Юсуф и Зулейха* А.Н. Самойлович оценивает с учетом того, как при этом в нем соблюдается принятый метр — силлабический в 12 слогов (см., например, л. 184–187, 250); особо отмечаются случаи, когда то или иное слово «встречается в стихе, вызывающем сомнение в отношении рифмы и смысла» (л. 251).

Исходя из тезиса о смешанном характере языка стихотворных текстов, А.Н. Самойлович стремится установить, какие элементы (южные, западные, восточные) оказываются в романе на первом плане, какие — на втором и какие на третьем; подробно см. об этом л. 225. Конкретно, например, при описании смешанного склонения указывается на преобладание того или иного из варьирующихся падежных аффиксов (л. 202–203).

Известную характеристику памятника со стороны орфографии, фонетики, морфологии и особенно словаря автор составляет, «пользуясь при критике текста указаниями прежде всего метра, а в некоторых случаях и рифмы»; полученные при этом данные позволили ему прийти к более или менее прочным выводам и вероятным предположениям (л. 180).

⁴ Из некоторых архивных материалов (РНБ, г. 671) виден интерес А.Н. Самойловича к проблемам стиховедения (выписки из стиховедческих статей русистов, ответы А.П. Потелуевского на отдельные письма Самойловича, в которых речь идет о стихотворной технике поэтических фольклорных жанров у туркменов).

Нельзя не упомянуть и об изменении взгляда А.Н. Самойловича на роль языковых сопоставлений при изучении памятника.

Если, скажем, в *Книге рассказов о битвах текинцев* большинство примечаний, содержащих указания на «схожие или аналогичные выражения, встреченные переводчиком при чтении разных турецких текстов», носило «случайный характер» [1, с. XVIII], то в публикуемой статье целенаправленный подбор схожих или аналогичных слов и выражений из определенного круга источников возведен в исследовательский принцип.

Характеризуя автограф публикуемой статьи (он выполнен на полулистах 165–269, в составе сводной работы „Турецкие этюды”, РНб ф. 671, №100), следует отметить, что значительную часть работы (37 л., т.е. более трети всей работы) составляет Словарь к языку романа, содержащий в себе 191 словарную статью.

А.Н. Самойлович придавал особое значение этой главе, поскольку включил туда слова, которые счел «важными для характеристики языка памятника» (л. 226). Некоторые из приводимых там слов очерчены им кружочками; это *ермаған* „подарок”, *ару* „чистый”, *еңгі* „святой” (л. 228), *ашын* „прежде” (л. 229), *öкүш* „много” (л. 232), *үнде* „звать”, *öңдін* „раньше” (л. 233), *тергин* „быстро”, *телім* „много” (л. 242), *савчы* „пророк” (л. 247), *jakту* „свет” (л. 262); другие из таких слов выделены вертикальной чертой: от „тотчас”, только, также, же” (л. 232), *ајрыксы* (л. 236), *караваш* „рабыня” (л. 250), *јарлы* „несчастный” (л. 259); кружочком и вертикальными чертами выделено слово *сұч* „грех”. Возможно, что так отмечались «заготовки» для выводов по словарной части исследования⁵.

Такими способами А.Н. Самойлович отметил 16 слов; из них для концептуально важной статьи 1928 г. взято 6 слов [34]; всего же ученый использовал в этой статье 25 тех слов из своего Словаря, которые оказались общими двум памятникам — «Кысса-и Юсуф» и «Мухаббат-наме» [34, с. 7–11]. Эти общие слова распределены им по трем главнейшим источникам — караханидский литературный язык, диалекты кыпчакский и огузский, существовавшие в XIII–XIV вв. в пределах Золотой Орды и в восточной ее части — в Хорезме [34, с. 12]. По морфологическим признакам языка «Кысса-и Юсуф» А.Н. Самойлович определял в нем несколько иное соотношение элементов «южнотурецких, западнотурецких и древних восточнотурецких» (л. 225).

⁵ На л. 174 имеется прямое указание на то, что такие выводы А.Н. Самойлович предполагал сделать: «Проф. Хоутсма <...> игнорировал его [романа *Юсуф и Зулейха*] словарный материал, который имеет, как будет видно из дальнейшего, большое значение в определение языка произведения».

Особое положение Словаря в статье подчеркивается и тем, что Словарь наряду с общей (сквозной) пагинацией (л. 226–269) имеет еще и отдельную пагинацию (л. 1–37)⁶.

Видимые расхождения в количестве листов определяются тем, что в отдельной пагинации оказались не учтены следующие листы сквозной пагинации: л. 226, где помещено краткое вступление, не содержащее лексического материала; л. 227 — здесь для последующего вписывания материала по двойным словам⁷ оставлено два незаполненных листа; л. 255, который значится как вставка к л. 25 отдельной пагинации, и л. 266 — вставка к л. 34. Сбои в общей пагинации, которые присущи данной архивной единице как в I-II частях статьи (см. л. 177–179, 185–188, 189 и 192, 198–201, 219–221), так и в IV, словарной части (например, л. 254–256), удается легко устраниТЬ при учете отдельной пагинации этой последней части; таким образом приходится признать, что отдельная пагинация играет здесь определенную текстоорганизующую роль. Следует отметить также особое размещение лексического материала в Словаре на листе в два столбца.

Публикуемый текст статьи представляет собой перекомпанованный, но не окончательно перебеленный автограф. А.Н. Самойлович считал «свою работу по роману предварительной», и на то был целый ряд объективных причин, самая главная из которых — отсутствие критического издания текста по сохранившимся спискам (л. 226). Январь 1918 г. Петроград: разруха в стране, холод и голод, особенно тяжелые, невыносимые условия жизни в Петрограде (недаром в марте 1918 г. столица Советской России была перенесена из Петрограда в Москву) не позволяли А.Н. Самойловичу «пользоваться рукописями романа, числящимися в составе Петроградских книгохранилищ» (л. 177), не говоря уже о манускриптах зарубежных древлехранилищ — о Берлинской и Дрезденской рукописях.

Точно так же в период работы над статьей ученому оказалась недоступной и рукопись среднеазиатского *Тефсира* (из Карши), хранившаяся

⁶ Следы отдельной пагинации можно усмотреть также начиная примерно со второй трети I части (с л. 175) и кончая первым же листом II части (л. 195): цифры 9–24 проставлены в правом верхнем углу соответствующих листов. Различие в количестве листов по сквозной и отдельной пагинациям обусловлено тем, что вставки, например к л. 19, учитываются сквозной пагинацией и не принимаются во внимание отдельной пагинацией. Сведения об отдельных пагинациях в I-II и IV частях автографа могут оказаться полезными при изучении истории создания публикуемой статьи.

⁷ См. значительный материал по двойным словам, как тюркским (имена, глаголы и частницы), так и иноязычным — арабско-персидским, в «Книге рассказов о битвах текинцев» [1, с. 043–047]. «Склонность автора <Хаким-Атá> к столь любимым в простонародной речи „двойным словам“» отмечал К.Г. Залеман [36].

в Азиатском музее Российской А.Н. (Впоследствии «Тефсир» и особенно его лексика были исследованы АК Боровковым). Во всяком случае ссылки на *Тефсир* в статье единичны и сделаны они явно по памяти, см. карандашные неразвернутые приписки *تفسیر* сбоку на полях листов 229, 236, 250. А между тем при систематическом привлечении *Тефсира* к словарной работе число ссылок на этот памятник, например, только для слов, начинающихся на букву «йай», увеличилось бы до 16 (см. Бор. ЛТ, с. 131 — *jawa*, *jawlak*, 145 — *ярлыка* = *ярындасы*, а также 132, 133, 134, 136, 138, 141, 146, 148, 153, 160, 161, 167).

В то же время книги и журналы, которые были у А.Н. Самойловича под рукой, даже по конкретным и частным поводам отражены в статье достаточно полно и библиографически точно. Так, на л. 232 при слове *öкүш* указано: «Это общеизвестное слово неправильно, между прочим, огласовано в работе Н.Н. Мартиновича — *اڭشىر*; в тексте статьи А.Н. Самойловича приведена полная и точная библиографическая ссылка [37]; на л. 243 А.Н. Самойловичем предложен перевод двустишия, альтернативный переводу Мартиновича в указанной его работе. За корректным, деловым тоном двух этих замечаний в адрес коллеги совершенно не угадывается та буря возмущения, которой А.Н. Самойлович встретил публикацию этой статьи в ЗВО ИРАО. Из письма А.Н. Самойловича В.В. Бартольду от 13 V 1917 г.: «<...> делаюсь с Вами мыслями по поводу последнего тома *Записок*. <...> я тщетно пытался уговорить Орбели <38> дать мне на просмотр корректуры статьи способного, но — к сожалению, слишком самоуваженного Н.Н. Мартиновича. Как и следовало ожидать, напечатанная вполне самостоятельная, работа Мартиновича кишит недоразумениями. <...> С непрерывными уколами моего очень небольшого самолюбия, которые не прекращаются по сегодняшний день, я в конце концов мириюсь, памятуя слова Бабура: „Кто видел на этом свете добро, чтобы ожидать от него добра!”, но я не могу мириться с тем, что не находят должной защиты: 1) Научная репутация *Записок*; 2) Память моего учителя Мелиоранского, к ученикам которого причислен и Мартинович» [39].

Автограф публикуемой статьи носит явные следы незавершенности. На л. 193 читаем: «Привожу несколько примеров из вышеупомянутого памфлета:» (имеется в виду «стихотворный памфlet на казак-киргизов») — остальную часть листа предполагалось заполнить впоследствии, но примеры так и не были приведены.

Уже упоминалось, что „Двойные слова” только заявлены заголовком, для них оставлено два пустых полулиста (л. 227); оставлено место для междометий на л. 224 (о том, что А.Н. Самойлович собирался при-

вести их списком, узнаём из предыдущего текста на л. 223); не заполненный, как обычно, л. 268 может, видимо, указывать на то, что ученый предполагал в конце словаря добавить еще несколько словарных статей. Намерение его документировать все приводимые словоформы отразилось в наличии после некоторых из них незаполненных («пустых») круглых скобок (например: л. 224, 236, 249 и др.). В автографе проставлено много сносок, текст которых отсутствует — оформление сноски (скорее всего, из-за того, что нужной книги не было под рукой) оставлено «на потом». Все эти номера действительных и предполагаемых сносок сохранены в том порядке, в каком они следуют в автографе с пометой, к какому листу автографа относится очередная сноска 1 или 2, а отсутствие текста их регулярно оговаривается в „Примечаниях“. Во вводных замечаниях к главе „IV — Словарь“ А.Н. Самойлович пообещал: «Ниже приводятся сокращения тех словарей, текстов и исследований, на которые я делаю при отдельных словах ссылки» (л. 226), К сожалению, такой список сокращений в работе отсутствует, и разгадывать довольно непоследовательную систему сокращений, предлагаемую А.Н. Самойловичем в автографе, пришлось публикатору (см. об этом ниже).

Знаменательна описка в автографе, которая может навести на мысль, что А.Н. Самойлович, видимо, не перечитывал целиком все написанное им. Уже после первого упоминания Ахмеда Есеvi рука А.Н. Самойловича начинает механически выводить в автографе (л. 168) имя автора романа *Aх*, но вовремя спохватившись, ученый выправляет *х* на *л* — *Алий*, не допустив ошибки. Тем не менее с л. 180 по л. 192 включительно в автографе автор романа именуется *Ахмедом* и только с л. 195 — опять *Алием*. В публикуемой статье эта описка нами везде выправлена без дополнительных оговорок. Другая описка (на л. 203 между строк к примерам на вин. падеж ошибочно дописана словоформа дат. падежа *کرزکیه* X. 84) также могла бы быть исправлена автором при сквозном прочтении статьи, равно как и некоторые другие описки, отдельные стилистические погрешности.

Приходится с сожалением отмечать, что автограф публикуемой статьи выполнен чернилами на некачественной бумаге, не допускающей использование листов, записанных чернилами, как «обороток». Между тем, листы 245–246, 251 написаны на таких именно оборотках, поэтому чтение этих листов чрезвычайно затруднено, а на л. 245 после «словарь П. де К. (319)» карандашная приписка (над строкой) в три слова совершенно неудобочитаема.

Текст автографа воспроизводится без изменений, с сохранением авторской системы словоупотребления и прежде всего — авторской терминологии (*османско-турецкий*, или *османский*; *турецкие*; *средне-*

азиатско-турецкий; южнотурецкие диалекты вместо современных турецкий; тюркские; среднеазиатско-турецкий, южнотюркские языки; «вопросительный послелог» вместо частица «му», приставка вместо аффикс и т.п.). Исправление незначительных описок и погрешностей нами специально не оговаривается. Авторская пунктуация и выделение слов в тексте (подчеркивание, разрядка и т.п.) в целом сохранены. Орфография автографа приведена в соответствие с нормами современного русского языка. В тех случаях, когда написание, например, восточного личного имени (или слова) варьировалось в практике А.Н. Самойловича, нами принимался наиболее поздний вариант, см. Хосрай (1913 г.), Хосреу (1914), Хосрев (1918; 1928); вместо Ревнаку-ль... — Ревнакуль исlam. Правка текста автором (зачеркивание, перенос фрагментов текста и вставки, приписки) отмечается в квадратных скобках в тексте, а частично и в «Примечаниях».

Стиховые примеры и отдельные словоформы Самойловичем даются арабицей; при них цифрами в скобках, часто с добавлением заглавной русской литеры К перед цифрой, документируются цитации из казанских изданий романа *Юсуф и Зулейха*; цифры с добавлением заглавного русс. Х указывают на издание М.Т. Хоутсма [40].

Несколько модернизирована подача языкового материала, что особенно важно для словарных статей главы IV, информативно чрезвычайно насыщенных. Так, перед аффиксом («приставкой») ставится дефикс; после глагольных основ также ставится дефис. Значение словадается в марковских кавычках (вместо авторского подчеркивания горизонтальной чертой); словоформы, звуки даются курсивом (вместо авторских кавычек).

Сокращения, предложенные А.Н. Самойловичем для названий языков, сведены в специальный перечень. При наличии их варьирования в тексте работы сокращения унифицируются (например, саг., сагайск. — принято саг.; каз., каз.-тат. — принято каз.-тат.). Библиографические сокращения так же суммированы в отдельном списке, а те из них, которые варьируются в тексте работы, унифицированы (например, Смирн. ДТР, Смирн. Пр., Пр. ТР, ДТР — принято ДТР; Ш.-С.-Б., С.Б. — принято СБ; Хоср.-Шир., Хоср. и Шир. — принято Хоср. и Шир; см. «Принятые сокращения и источники»). Мелкие погрешности в библиографии исправлены без каких бы то ни было оговорок, например: Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пр. (написано: СПб.), 1916. Отсутствующие сведения в библиографии приводятся нами в угловых скобках.

При чрезвычайной насыщенности словарной части публикуемого исследования глухими библиографическими ссылками и варьирующимиися сокращениями, чаще всего лишенными каких-либо библиографических

«зажепок» (ведь А.Н. Самойлович намеревался оснастить работу списком сокращений источников!), мы были лишены возможности проверить, *de visu* каждую из используемых ученым книг и адекватно раскрыть любое из его малоинформационных сокращений. Иногда по необходимости нам приходилось предлагать читателю, так сказать, «альтернативную» библиографию, называя в особо сложных для нас случаях по несколько книг того или иного автора, на которые мог ссылаться А.Н. Самойлович (при этом мы опирались также на библиографию его изданных работ, а также публикации его современников-специалистов по исторической тюркологии). И все же некоторые из принятых ученым сокращений нам разгадать не удалось; так, трудно понять, что означает Т.-А. С. и А.-Т. С. (Турецко-арабский словарь и Арабско-турецкий словарь?), Банг или Б. II (не отождествлять с Буд. II!).

Ссылки в автографе привязаны к тексту постранично. При сведении их в раздел „Примечания” возникла необходимость фиксировать эту их постраничную привязку. Для этого после номера сноски в угловых скобках сообщается, к какому листу автографа относится данная сноска; в случае же отсутствия текста примечания говорится и об этом факте в угловых скобках. Примечания публикатора к тексту автографа, либо чисто библиографические, либо имеющие комментирующий характер, даются также в угловых скобках и имеют собственную, сквозную нумерацию.

Наша вводная статья, собственно, представляет собой подробный комментарий к автографу, которой предполагаеца опубликовать на страницах РО в 2001 году. Мы совсем необходимым во вводной статьи объяснить объясняющий появление его как результат развития исследований и исследовательских интересов А.Н. Самойловича в той отрасли науки, которой он более всего занимался первые два десятилетия своей научной деятельности, а именно истории среднеазиатско-туркских литератур и литературных языков. Задачи сопоставления разработок А.Н. Самойловича с современным состоянием исторической тюркологии при этом не ставились. Однако имеющиеся в части „IV — Словарь” приписки на полях (*Тефсир*) сделали необходимым обращение к современному исследованию лексики этого памятника, осуществленному А.К. Боровковым (см. в „Примечаниях” к публикуемому автографу, угловые скобки), а попытки А.Н. Самойловича этимологизировать отдельные слова обусловили ссылки на те тома *Этимологического словаря тюркских языков*, которые успели выйти в свет к настоящему времени (см. там же).

Литература

1. Абду-с-Саттар казы, *Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века*. Издал, перевел, примечанием и введением снабдил А.Н. Самойлович, СПб., 1914 (Издание фак-та вост. языков Имп. СПб. ун-верситета, №34) (далее сокращенно — «Книга рассказов...»).
2. Мелиоранский П.М., *Турецкие наречия и литературы*, в «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрана Изд. I, Т. 34, СПб., 1902.
3. Самойлович А.Н., *Турецкие этюды*. Российская национальная библиотека (РНБ), ф. 671, №100.
4. Самойлович А.Н., *Краткая учебная грамматика современного османского турецкого языка*, Л., 1925.
5. См. письмо В.В. Бартольда А.Н. Самойловичу от 17.X[1906?] [СПб Архива РАН Ф. 782, оп. 2 №6]: «В.В. Радлов в разговоре со мной, по собственной инициативе, выразил готовность, если Вам угодно, после Вашего возвращения заняться с Вами. Если бы Вы спросили моего совета, я рекомендовал бы Вам воспользоваться этим предложением. Отрицательные стороны взглядов Радлова Вам хорошо известны и потому для Вас не опасны; по своему знанию языка и бытовых условий Средней Азии он и теперь, как в то время, когда занимался с Мелиоранским и со мною, может быть полезен для всякого юного турколога».
6. Письмо И.Ю. Крачковского А.Н. Самойловичу от 23 VI 1905 [РНБ Ф. 671, №209].
7. Мухаммед Салих, *Шейбани-намэ. Джагатайский текст*. Посмертное издание П.М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А.Н. Самойловича. СПб., 1908 (Изд. фак-та вост.яз. Имп. СПб. ун-та, №27).
8. *Бабер-наме или Записки Султана Бабура*. Изданы в подлинном тексте Н.И. [Ильминским], Казань, 1857. Хранится в СПбФ Архива РАН, ф. 782, оп. 1, №16.
9. Благова Г.Ф., *Из истории тюркской текстологии. А.Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме»*, М., 1993.
10. Благова Г.Ф., *О нереализованных научных планах академика А.Н. Самойловича* (по архивным данным), «Востоковедение в Санкт-Петербурге», СПб., 2001.
11. Благова Г.Ф., «Бабур-наме»: язык, pragmatika текста, стиль. М., 1994.
12. Собрание стихотворений императора Бабура. Ч. I — Текст. Пг., 1917 (Изд. фак-та вост. яз. Петроградск. ун-та, №44).
13. *Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем*. С предисловием А.Н. Самойловича [Фрагменты. Публикация Г.Ф. Благовой], «Восток», 1997, №6, с. 125–128.
14. РНБ, ф. 671 №83 „Наставление Бабура сыну” — переписанный А.Н. Самойловичем текст сочинения Бабура „Мубайин” (266 л.).
15. Самойлович А.Н., *Новый перевод Записок Бабура*, в: Известия АН. Сер. лит-ры и языке. 1994. Т. 53, №1, с. 76–84.
16. Благова Г.Ф., А.Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме», там же, с. 72–76.
17. СПбФ Архива РАН, ф. 68, оп. 2, №219.
18. И.А. Беляев, ученик П.М. Мелиоранского, по его рекомендации был направлен в Туркестан для изучения каракалпакского наречия. С 1905 г. служил в Туркестане инспектором народных училищ Закаспийского края (*Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период*. 2-е изд., перераб., подготовил А.Н. Кононов, М., 1989, с. 42).

19. Б.В. Бартольд, командированный в 1902 в Туркестан для осмотра имеющихся в крае собраний рукописей, в числе сочинений по истории Средней Азии описал сочинение Утемиша Хаджи *جنهکىز نامە*, см.: Бартольд В.В., *Отчет о командировке в Туркестан*, ЗВО РАО, т. XV, СПб., 1904, с. 226–232.
20. Самойлович А.Н., *К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка*, в *Мир-Али-Шир. Сборник к 500-летию со дня рождения*, Л., 1928.
21. Наджип, Э.Н., *Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в.* Автореф. докт. диссерт., М., 1965.
22. Наджип, Э.Н., *Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в.* На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Кн. I, М. 1979.
23. Наджип, Э.Н., *Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв.*, М. 1989.
24. Хорезми, *Мухаббат-наме*. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н. Наджипа, М. 1961.
25. Zajączkowski A., *Najstarsza wersja turecka Husrāv i Širīn Qutba*. Cz. I, Cz. II — Facsimile. Warszawa, 1958 [издание текста рукописи, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже, Апс. F. 312]; Cz. III — Słownik. Warszawa, 1961.
26. Zajączkowski A., *Poemat irański Husrev-u-Širīn w wersji osmańsko-tureckiej Ŝeykhī* (Ms. Paris, Bibliothèque Nationale, A.F. Turc 322). Warszawa, 1963.
27. Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А.Н. Самойловичем. С предисловием А.Н. Самойловича, Восток, 1997, №6, с. 125–128.
28. Благова Г.Ф., *Академик А.Н. Самойлович и изучение литературного наследия Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура*, там же, с. 120–125.
29. Подобные датировочные записи нечасто можно встретить в архивных работах-рукописях А.Н. Самойловича. Обычны они для Г.-Я. Кера, переписывавшего рукопись «Бабур-наме» в петербургский период своей жизни, а А.Н. Самойлович много работал в свое вре над Керовым списком, о чем свидетельствуют его карандашные пометы. Одинокий ученый-немец, корпевший над рукописью, обращаясь к своему российскому коллеге Муртазе Таваккули с нижайшей просьбой одолжить 25 р., жаловался, что у него нет денег даже на хлеб, поскольку «маршал Курбатов» задерживает жалованье [см.— Благова Г.Ф., *К истории Керова списка «Бабур-наме» (Таинственная записка)*, Восток, 1996, №3, с. 111]. На фоне этих обстоятельств хронограммы (на латыни) на страницах Керова списка выглядят как торжественное утверждение продвижения в любимой работе вопреки всем жизненным тяготам. Не такую ли функцию выполняла и датировочная запись А.Н. Самойловича в голодную и холодную зиму 18-го года?
30. Самойлович А.Н., *Четверостишия-туйуги Невай*, «Мусульманский мир», вып. 1. Пг., 1917, с. 10–22.
31. Хисамов Н.Ш., *Поэма «Кысса-и Йусуп» Кул Али: анализ источников сюжета и авторского творчества*, М., 1979.
32. Наджип Э.Н., *О языке памятника начала XIII века «Кысса-и Юсуф» Али*, «Советская тюркология», Баку 1976, №2, с. 74–88.
33. Кул Гали, *Сказание о Йусуфе*. Перевод С. Иванова. Автор предисловия и комментариев Н. Хисамов, Казань, 1985.
34. Самойлович А.Н., *К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка*, в *Мир-Али-Шир. Сборник к 500-летию со дня рождения*, Л., 1928, с. 1–23.
35. Стеблева И.В., *Поэтологический аспект формирования тюркоязычной межлитературной общности древности и средневековья*. в: *Проблемы особых межлитературных общностей*, М., 1993.

36. Залеман К.Г., *Легенда про Хаким-Атá*. в Известия Имп. АН, 1898, т. IX, №2, с. 105–150.
37. Мартинович Н.Н., *Новый сборник стихов Джелаль-ед-Дина Руми и Султана Веледа*, в ЗВО <ИРАО>, <т.> XXIV, <вып. И-4, 1917>, стр. 210. Н.Н. Мартиновиче см.: *Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов*, с. 158.
38. Орбели И.А. (1887–1961), историк культуры и искусства стран Ближнего Востока, с 1914 г. ученый секретарь Восточного отделения Русского археологического общества.
39. СПФ Архива РАН, ф. 68, оп. 2, №219.
40. Houtsm M. Th., *Ein alttürkisches Gedicht*. ZDMG. Bd. 43, Leipzig, 1889, s. 69–98.